ИСТОРИЧЕСКІЙ ПУТЬ

и

МУЗЕЙ г. КІЕВА

Проф. И. А. Линниченко.

ОДЕССА—1912.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ПУТЬ

и

МУЗЕЙ г. КІЕВА

Проф. И. А. Линниченко.

ОДЕССА—1912.

Историческій путь

и

Музей г. Кіева

Проф. И. А. Линниченко.

ОДЕССА — 1912.

Тип. ,,ТЕХНИКЪ"
Одесса,
Екатерининская, 58.

Въ этой маленькой книжечкѣ я перепечаталъ четыре татьи, помѣщенныя въ „Новомъ Времени“ и „Кіевской Мыли“ (первая въ „Н. В.“ 4 и 6 мая 1911 г. №№ 12622 и 2624, вторая въ „К. М.“ 25 авг. 1911, № 234, третья—тамъ-ке, 4 генв. 1912, № 4, и четвертая—„Н. В.“ 3 ноября 1911, № 12804).

Съ особеннымъ удовольствіемъ могу отмѣтить, что моя ысль о необходимости устройства муниципальныхъ музеевъ ъ нашихъ старыхъ городахъ близка къ осуществленію—таой музей проэктируется въ Москвѣ, а въ Кіевѣ при Худоественно-Промышленномъ и Научномъ Музеѣ имени Госуаря Императора Николая Александровича учреждена Комиссія для организаціи и устройства „Отдѣла Стараго Кіева“. Очевидно, сѣмя моей мысли пало на подготовленную почву, когда откроются двери новыхъ музеевъ, столь важныхъ ля пониманія нашей старины, я съ отрадою вспомню, что ъ этомъ полезномъ и поучительномъ дѣлѣ есть и капля моего меда.

Проф. И. А. Линниченко.

Историческій путь.

Въ Кіевѣ, матери русскихъ городовъ, у кого-то зародилась несчастная мысль подражанія берлинской Siegesallе, которую правильнѣе было-бы назвать—Gespensterallee—въ лунную ночь эти однообразно-бѣлыя фигуры производятъ впечатлѣніе фантомовъ, а пожалуй меломанамъ напоминаютъ извѣстную балетную сцену „Роберта Діавола“.

Памятникъ—дань уваженія и почета крупному общественному дѣятелю. Памятникъ (не надмогильный—послѣдній дѣло семейное) - сооруженіе всенародное. Въ Германіи, Эльдорадо для такой формы почета, вы найдете безконечный рядъ памятниковъ не только крупнымъ общественнымъ дѣятелямъ (у Нѣмцевъ едва-ли найдется городъ, въ которомъ не было-бы памятника Бисмарку—отъ колоссальнаго сооруженія передъ зданіемъ Рейхстага въ Берлинѣ до крошечнаго барельефа), но и разнымъ Шульце и Миллерамъ, заслуги коихъ извѣстны развѣ исторіографамъ маленькихъ общинъ, иждивеніемъ которыхъ сооружены скромные го—и ба-рельефы или бюсты въ крошечныхъ палисадникахъ (grosse schattige Gartenanlagen) уютныхъ нѣмецкихъ селеній и городовъ (нигдѣ, напр., я не встрѣчалъ столько памятниковъ лицамъ, имена коихъ ровно ничего—даже при хорошемъ знакомствѣ съ Мейеромъ и Брокгаузомъ—не говорятъ уму и сердцу туриста, какъ въ Карлсруэ—захолустнѣйшемъ изъ захолустнѣйшихъ резиденцій Германіи).

Разумѣется, величіе—понятіе относительное. Какой-нибудь неизвѣстный намъ бургомистръ или ратъ можетъ ока-

зать великія услуги своей маленькой общинѣ, и если благо
дарная община, въ назиданіе и поощреніе всѣмъ будущимт
бургомистрамъ и ратамъ, поставитъ ему памятникъ (хотя-бы
какъ, напр., въ Наугеймѣ, и пріобрѣтенный на распродажѣ
забракованныхъ проектовъ—для экономіи, конечно), противт
такого украшенія общиннаго сквера никто возражать не
станетъ—проводнику заработокъ, а туристу развлеченіе.

Иное дѣло—памятникъ въ крупномъ центрѣ съ боль
шимъ историческимъ прошлымъ. Здѣсь памятникъ, какт
одна изъ высшихъ формъ посмертнаго (памятники прижиз
ненные, какъ извѣстно, рѣдки) чествованія, приличествуетт
только людямъ, дѣятельность которыхъ гордость цѣлої
націи. Возможно развѣ представить себѣ рядомъ съ памят
никомъ Пушкину памятникъ Дельвигу, или подлѣ Гоголев
скаго (какъ бы онъ ни былъ неудаченъ) монумента—не
говорю статую, но бюстъ Нарѣжному или Гребенкѣ, Тол
стого—рядомъ съ какимъ нибудь Н. Ф. Павловымъ? Ина
слава солнцу, ина слава лунѣ, звѣзда бо отъ звѣзды разн
ствуетъ во славѣ.

Кіевскіе историки предполагаютъ начать серію памят
никовъ на „Историческомъ пути“ съ изображеній Кія, Щека
Хорива и сестры ихъ Лыбеди, да еще „во взаимномъ рас
положеніи, долженствующемъ соотвѣтствовать какому-нибудь
сюжету изъ жизни эпохи“. Почти всѣ русскіе историки, за
исключеніемъ древняго лѣтописца и авторовъ проекта „Исто
рическаго пути“, признаютъ преданія объ основателяхъ Кіева
древность котораго раскопками В. В. Хвойка отодвинута ко
временамъ доисторическимъ—эпохѣ мамонта *), эпонимной

*) Вспоминаю слѣдующій случай изъ моей гробокопательской
дѣятельности. Производилъ я раскопки въ Роменскомъ уѣздѣ Полтав
ской губерніи. Сообщаютъ мнѣ, что гдѣ-то при прокладкѣ желѣзно
дорожнаго пути найдены кости мамонта. Ѣду ихъ розыскивать: долго
никто не можетъ мнѣ указать мѣстонахожденія этихъ костей. Подъѣз
жаю къ одной сельской церкви,—по нѣкоторымъ предположеніямъ
находка должна была находиться гдѣ-то недалеко отъ храма,—захожу
въ сторожку церковнаго сторожа и допрашиваю его. „Древности есть
на хуторѣ Мазараки (археолога, раскопки котораго въ курганахъ скиф
скаго періода дали блестящіе результаты), а *памятникъ мамонту* въ

легендой, созданной народной фантазіей для объясненія названій кіевскихъ урочищъ (Щековица, Хоревица, рѣчка Лыбедь). Но авторы проекта знаютъ (чего историки русскіе доселѣ не знали) даже эпоху, въ которой жили въ Кіевѣ три брата съ сестрой, и предполагаютъ ее отобразить на памятникѣ. Но если молодымъ кіевскимъ историкамъ удастся (Кліо имъ въ помощь!) доказать реальное существованіе братьевъ съ ихъ родомъ, то почему-же ставить имъ памятники на Софійской площади, а не на тѣхъ урочищахъ, на которыхъ они, по народному миѳическому преданію, осѣли („и сѣдяше Кій на горѣ, кдѣ нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, кдѣ нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ. отнюдуже прозвася Хоривіца"). Ручеекъ, идущій вдоль желѣзнодорожной насыпи, подъ Байковымъ кладбищемъ, носитъ и по сей день названіе Лыбеди, гора Щековица (на ней теперь кладбище) существуетъ и понынѣ, а для историка, опредѣлившаго эпоху, въ которой жили основатели Кіева, найти мѣстоположеніе Кіевской горы и Хоревицы будетъ, конечно, дѣтской задачей.

Кій, Щекъ и Хоривъ съ сестрою попали въ свитокъ историковъ кіевскихъ, а Олегъ, русскій князь, отъ котораго лѣтописецъ ведетъ свое лѣтоисчисленіе („отъ пѣрваго лѣта Олгова, понелѣже сѣдѣ въ Киевѣ"), о которомъ сообщаетъ не только поэтическихъ преданій, Олегъ, существованіе котораго подтверждается актомъ-договоромъ съ Греками („Мы

мѣніи кн. Г.".—„Какой памятникъ мамонту?"—удивился я. Одинъ изъ мѣстныхъ старожиловъ вскорѣ пояснилъ мнѣ, что дѣйствительно владѣльцемъ имѣнія, на территоріи котораго найдены были мамонтовыя кости, на мѣстѣ находки было воздвигнуто небольшое сооруженіе формы памятника (тогда еще находки мамонтовыхъ костей были очень рѣдки, и нельзя не поблагодарить владѣльца имѣнія за точную отмѣтку мѣста ихъ нахожденія). Мамонтъ, кости котораго въ такомъ рѣдкомъ изобиліи (68 особей) были найдены въ Кіевѣ на Кирилловой горѣ, конечно, болѣе *реальный* насельникъ Кіева, чѣмъ миѳическій Кій съ братьями, а потому, почему-же не съ него начать серію памятниковъ? И почему тогда не поставить монументовъ героямъ народной легенды — богáтырю, побѣдившему въ единоборствѣ Печенѣжина, и славному Ильѣ Муромцу?

отъ рода Русскаго... иже послани отъ Олга, великаго князя Рускаго“), Олегъ, владѣвшій Новгородомъ и Кіевомъ, овладѣвшій Смоленскомъ, Любечемъ, который „бѣ обладая Деревляны, Полянми, Радимичи, Сѣверянами“, по лѣтописному преданію наводившій такой страхъ на Грековъ, что они видѣли въ немъ св. Димитрія, посланнаго на нихъ отъ Бога, этотъ первый крупный объединитель, не нашелъ себѣ мѣста въ свиткѣ.

Зато почетъ предполагается оказать Святославу. Его предположено изобразить „въ видѣ старорусскаго воина съ весломъ въ рукахъ, въ ладьѣ, на скалѣ, изображающей морскую волну“. Святославъ—превосходную характеристику котораго даетъ намъ лѣтописецъ („ходя акы пардусъ, воинь многы творяше. Возъ бо по себѣ не возяше, ни котла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину, или звѣрину, или говядину, на углехъ испекъ, ядяше; ни шатра имяше, но подъкладъ постилаше, а сѣдло въ головахъ; такоже и прочаи вои его вси бяху. И посылаше къ странамъ глаголя: „хочю на вы ити“), типичнѣйшій представитель дружиннаго періода нашей исторіи; онъ менѣе всего удовлетворяетъ народнымъ потребностямъ въ князѣ, „иже бѣ володѣлъ и рядилъ по ряду, по праву“; это атаманъ вольной дружины, выше всего ставящій свою ратную честь; онъ живетъ только походами и въ походахъ; интересы народа ему совершенно безразличны, онъ не любитъ Кіева и Днѣпра словутнаго, ему полюбился синій Дунай, на берегахъ котораго онъ мечталъ устроить среду своей земли („не любо ми есть въ Киевѣ жити, хощю жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть среда земли моей“). Кіевъ едва не былъ до тла разграбленъ Печенѣгами, осаждавшими матерь русскихъ городовъ въ отсутствіи князя, постоянно съ дружиною находившагося въ „нѣтѣхъ“, въ отдаленныхъ походахъ. И кіевляне, оставленные своимъ княземъ для милой ему чужбины, посылаютъ ему горькій упрекъ: „ты, княже, чюжей земли ищешь и блюдешь, а своея ся лишивъ; малѣ бо насъ не взяша Печенѣзи, и матерь твою и дѣтей твоихъ“. Памятникъ такому князю, не любившему своей родной земли, готовому промѣнять старый Кіевъ на болгарскій городокъ только потому

что туда „вся благая сходяться"—былъ-бы прямой обидой старому Кіеву *).

По поводу проекта постановки на „Историчемъ пути" памятника Ольгѣ въ кіевскомъ военно-историческомъ обществѣ возникла жестокая пря. Одни признавали, главнымъ образомъ, заслуги Ольги въ области религіозной, другіе утверждали, что за Ольгою большія гражданскія заслуги,—она, по ихъ мнѣнію, чуть ли не первая устроительница русской земли, внесшая извѣстный порядокъ въ ея управленіе. Для лѣтописца Ольга не только первая русская христіанка, но и первый (объ апостолѣ Андреѣ скажемъ ниже) апостолъ христіанства на Руси, хотя самъ же лѣтописецъ раньше отмѣчаетъ „крестьянскую Русь водиша въ церковь святаго Ильи, се бо бѣ сборная церква, мнози бо бѣша Варязи христьяни", т. е., что христіанство уже исповѣдывалось отдѣльными лицами въ Кіевѣ до Ольги и занесено оно сюда Варягами**). Попытки же прозелитизма Ольги встрѣчали противодѣйствіе со стороны язычниковъ („аще кто хотяше вомею креститися, не браняху, но ругахуся тому") и въ самомъ Святославѣ, котораго мать тщетно старалась пріобщить къ новой вѣрѣ—суровый воинъ дорожилъ только мнѣніемъ своихъ соратниковъ—языческихъ дружинниковъ („како азъ хощю инъ законъ одинъ приняти, а дружина моя сему смѣятися начнуть"). Историки, выдвигающіе на первый планъ гражданскія заслуги Ольги, ссылаются на извѣстія лѣтописи, по которой Ольга ходила по (покоренной ею) Деревской землѣ „уставляюще уставы и урокы: и суть становища ея и ловища ея"; въ землѣ Новгородской она „устави по Мьстѣ погосты и дань, и по Лузѣ погосты и дань, и оброкы; и ловища ея суть по всей земли, и знамения, и мѣста, и погосты, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ". Такимъ образомъ, лѣтописецъ сообщаетъ намъ только то, что Ольга нѣ-

*) Правда, нѣкоторые ученые, какъ, напр., мой уважаемый другъ А. Л. Бертье-Делагардъ, видятъ въ стремленіи Святослава на югъ глубокій политическій смыслъ и считаютъ его въ этомъ отношеніи предшественникомъ Петра, но такія широкія политическія задачи были не по плечу грубому воину, какимъ былъ Святославъ.

**) Я лично впрочемъ иначе толкую это мѣсто лѣтописи.

сколько упорядочила сборъ дани съ подчиненныхъ кіевскимъ князьямъ племенъ русскихъ Славянъ, назначивъ имъ опредѣленные „урокы“ (ср. „урокъ“ Русской Правды). Сравнительно съ системой Игоря, сбиравшаго одну и ту-же дань по нѣсколько разъ („желая болшая имѣнья“) это, конечно, прогрессъ, но трудно найти въ скудныхъ данныхъ лѣтописи указанія на какія нибудь особенныя гражданскія заслуги матери - регентши.

Судя по газетнымъ извѣстіямъ, въ преніяхъ одолѣла сторона, ставящая религіозныя заслуги Ольги выше ея заслугъ гражданскихъ. Кіевской княгинѣ, „переклюкавшей“ самаго царя византійскаго, рѣшено поставить памятникъ изъ трехъ фигуръ—средняя княгини Ольги, и по сторонамъ ея двѣ благословляющія ее фигуры, съ одной стороны Апостола первозваннаго, съ другой—св. Кирилла и Меѳодія*). Св. апостолъ Андрей появился въ проектѣ конечно потому, что по лѣтописной легендѣ онъ былъ и на горахъ кіевскихъ и даже на самомъ сѣверѣ, въ землѣ Славянъ (Новгородѣ). Очевидно, составители проекта незнакомы съ знаменитымъ трудомъ проф. Голубинскаго („Исторія русской церкви“), достаточно убѣдительно доказавшаго легендарность извѣстія о посѣщеніи св. Апостоломъ нашей земли.

Въ Исторіи Кіева до завоеванія его Батыемъ мы находимъ только одно—два лица съ общепризнаннымъ значеніемъ крупнаго дѣятеля—Ярославъ, „иже насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей“, при которомъ „нача вѣра крестьянская плодитися въ Руси и расширятися“, крупный государственный дѣятель, съ именемъ котораго (правильно или неправильно, но характерно для квалификаціи направленія его административныхъ талантовъ) связаны первыя попытки кодификаціи законовъ свѣтскихъ и духовныхъ и заботы о просвѣщеніи Руси („книгамъ прилежа, почитая часто въ день

*) Теперь этотъ первый опытъ (какъ первый блинъ, онъ вышелъ по истинѣ комомъ) *монументальныхъ* сооруженій на историческомъ пути уже открыть и поражаетъ своей театральной ходульностью, не говоря уже о томъ, что матеріалъ монумента-бетонъ—наименѣе прочный и наименѣе пригодный для скульптурныхъ произведеній.

и въ нощи: и собра писцѣ многы и прекладаше отъ Грѣкь на Словеньскій языкъ и письмо, и списаша многы книги и сниська, имиже поучаються вѣрнии людье и наслаждаються учения божественнаго гласа"; любовь къ просвѣщенію онъ передалъ и дѣтямъ; сынъ его, Всеволодъ, „дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ"), да, пожалуй, Владиміръ Мономахъ (хотя историки и расходятся въ оцѣнкѣ его дѣятельности). Далѣе идутъ все dii minores, длинный рядъ князей, отъ которыхъ доставалось не мало матери русскихъ городовъ (вспомнимъ только Андрея Боголюбскаго и Рюрика).

Итакъ, если мы изъ свитка исключимъ миѳическихъ братьевъ, съ родами своими осѣвшихъ въ Кіевѣ, такую-же миѳическую сестру ихъ, и Святослава, которому было нелюбо жить въ Кіевѣ, для „историческаго пути" остаются только— Ольга, Владиміръ (памятникъ которому уже воздвигнутъ на горахъ кіевскихъ,—онъ можетъ быть и неудаченъ, но кіевляне съ нимъ уже свыклись), Ярославъ да Владиміръ Мономахъ (Олега сами составители проекта исключили изъ свитка). Вотъ и весь „историческій путь" (составители списка пропустили крупныя фигуры препод. Антонія и Ѳеодосія, соображая, вѣроятно,. что имъ, какъ скромнымъ монахамъ, памятникъ воздвигать непристойно, но вѣдь и Ольга и Владиміръ также канонизованы).

Мѣсто для памятника Ярославу конечно Софійская площадь („заложи же церковь святыя Софья"), мѣстомъ для монумента Ольгѣ могла-бы быть усадьба доктора Петровскаго—послѣ отчужденія ея въ государственную собственность и всесторонняго археологическаго изслѣдованія.

Однако мы имѣемъ одно важное возраженіе противъ чествованія памяти Ольги и Ярослава монументомъ—изображенія обоихъ будутъ чистой фантазіей такъ какъ мы не имѣемъ ни портретовъ нашей старой княгини и стараго князя, ни описанія ихъ наружности. Такимъ образомъ, художникъ, какъ бы талантливъ онъ ни былъ, дастъ намъ фантастическое, соотвѣтственно своему представленію о характерѣ изображаемыхъ имъ лицъ, изображеніе Ольги и Ярослава, въ которомъ близкимъ къ дѣйствительности можетъ быть развѣ костюмъ (археологическія раскопки и древнія миніатюры

даютъ намъ представленіе о старо-русскихъ княжескихъ одѣяніяхъ по крайней мѣрѣ въ XI в.; укажемъ, однако, что, по мнѣнію крупнаго знатока въ этой области, академика Н. П. Кондакова, одежда великаго князя Святослава на извѣстной миніатюрѣ Святославова Изборника 1073 г. никакъ не можетъ быть названа чисто русскою) *).

Насколько великъ можетъ быть размахъ фантазіи художника въ изображеніяхъ лицъ, для опредѣленія наружности которыхъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, можно судить по изображенію Ольги, созданному рукою такого крупнаго художника, какъ Васнецовъ (въ кіевскомъ Владимірскомъ соборѣ). Въ этой красивой, мрачной, суровой, съ жестокими цвѣта вороньяго крыла глазами, нѣтъ ничего славянскаго— это жгучая мстительная итальянка, какая нибудь Екатерина Медичи, но не наша Ольга (изображеніе ея точно навѣяно извѣстными „страшными" картинами Штука)—это одѣтая въ византійскій костюмъ безпощадная вдова Игоря, совершающая кровавую свою тризну надъ Древлянами, а не первая русская христіанка, убѣждающая воина-сына принять кроткое евангельское ученіе**).

Вмѣсто историческихъ путей съ ихъ сомнительной поучительностью (нельзя-же при каждомъ памятникѣ держать постоянныхъ ученыхъ гидовъ, истолковывающихъ туристамъ историческое значеніе Кія съ его братьями и сестрой), людямъ, цѣнящимъ и любящимъ наше родное прошлое, слѣдуетъ сосредоточить свои силы на устройствѣ въ нашихъ старыхъ историческихъ городахъ городскихъ (муниципальныхъ) музеевъ, цѣль которыхъ представить въ рядѣ реальныхъ остатковъ старины по возможности полную картину прошлаго такихъ историческихъ центровъ. Такіе музеи, необыкновенно интересные и поучительные, имѣютъ многіе старые города въ Западной Европѣ (одинъ изъ наиболѣе интересныхъ музеевъ такого типа—музей вольнаго города

*) Въ моей коллекціи находятся три художественныя акварели со всей археологической точностью, нарисованныя извѣстнымъ, нынѣ покойнымъ, знатокомъ русскаго искусства, В. И. Сизовымъ (князя, княгини, дружинника).

**) Такой оно вышло и по бетонномъ мокументѣ.

Франкфурта-на-Майнѣ). Въ такихъ музеяхъ должны быть собраны: предметы археологическихъ раскопокъ на территоріи города, карты, планы, виды города въ разныя эпохи его существованія; портреты болѣе или менѣе выдающихся городскихъ дѣятелей, костюмы горожанъ (во Франкфуртѣ, напримѣръ, удалось собрать костюмы городской милиціи чуть-ли съ XV в.) разныхъ эпохъ, домашняя обстановка (мебель, посуда, изразцы, экипажи, сани, телѣги, сбруя), образцы мѣстныхъ издѣлій, рукописи мѣстнаго производства, книги, эстампы, гравюры, газеты, напечатанныя въ городѣ, привиллегіи горожанамъ и вообще всѣ документы, касающіеся исторіи города, описанія иностранныхъ и туземныхъ путешественниковъ, отчеты о дѣятельности городскихъ учрежденій, біографіи мѣстныхъ дѣятелей и т. д. Однимъ словомъ, все такъ или иначе характеризующее исторію и внутренній бытъ города.

Мы имѣемъ нѣсколько очень цѣнныхъ музеевъ—пышныя коллекціи Эрмитажа, музей Императора Александра III, богатѣйшій Историческій музей въ Москвѣ, Щукинское собраніе, Кіевскій историческій музей (къ сожалѣнію, остановившійся въ своемъ ростѣ за цѣлый рядъ послѣднихъ лѣтъ), Музей общества исторіи и древностей въ Одессѣ, музеи при архивныхъ комиссіяхъ въ разныхъ городахъ (одинъ изъ лучшихъ — тверской, для котораго столько сдѣлалъ покойный Жизневскій), музей Поля въ Екатеринославѣ, коллекцію, собранную В. В. Тарновскимъ (въ Черниговѣ), музей въ Тифлисѣ, церковныя древне-хранилища (наиболѣе замѣчательное—собранное проф. Н. И. Петровымъ въ Кіевской духовной академіи) и т. д. *).

Конечно, во многихъ изъ этихъ почтенныхъ собраній мы найдемъ не мало предметовъ, рисующихъ намъ ту или иную сторону городского быта, но предметы эти тонутъ въ массѣ другихъ, собранныхъ изъ разныхъ мѣстъ, характеризующихъ прошлое цѣлыхъ обширныхъ территорій. Спеціально муни-

*) Мой уважаемый другъ А. Л. Бертье-Делагардъ (въ Ялтѣ) собралъ единственную по богатству и полнотѣ библіотеку по исторіи Крыма и превосходную коллекцію татарскихъ предметовъ.

ципальныхъ музеевъ мы до сихъ поръ не имѣемъ нигдѣ (одинъ только Тифлисъ въ прошломъ году рѣшилъ устроить музей подобнаго типа). Починъ въ этомъ дѣлѣ долженъ принадлежать Кіеву и Москвѣ. Въ Москвѣ при содѣйствіи городского самоуправленія такимъ музеемъ (ему слѣдовало бы дать наименованіе „имени И. Е. Забѣлина“, этого безпримѣрнаго знатока московской старины) могъ-бы стать Щукинскій музей (теперь отдѣленіе Императорскаго историческаго музея), а П. И. Щукинъ и другіе почтенные московскіе коллекціонеры, выдѣливъ изъ своихъ богатыхъ собраній соотвѣтствующіе предметы, въ очень короткое время могли-бы создать весьма цѣнный музей города Москвы).

Въ Кіевѣ въ настоящее время достраивается зданіе городской публичной библіотеки, къ ней пока можно бы сдѣлать пристройку для муниципальнаго музея. За осуществленіе предполагаемаго проекта однако слѣдовало-бы взяться самостоятельнымъ обществамъ изученія городской старины. Только сосредоточивъ силы на опредѣленной цѣли, и не разбрасываясь, можно достигнуть цѣнныхъ результатовъ въ каждомъ дѣлѣ.

Городскіе музеи слѣдуетъ учредить не только въ такихъ старыхъ центрахъ, какъ Кіевъ, Москва, Новгородъ, Смоленскъ, Вильна и т. д., но и въ новыхъ—Петербургѣ, Одессѣ—въ послѣднихъ, пожалуй и возможно еще (пока все старое не погибнетъ или не уйдетъ за-границу) собрать обильные матеріалы со дня основанія города. Но спѣшить нужно—старина (даже старыя историческія названія улицъ и урочищъ) гибнетъ ежедневно; старыя стильныя постройки, однимъ видомъ своимъ разсказывающія археологу старую нашу быль, рушатся, и на мѣстѣ ихъ возводятся безобразные десятиэтажные ящики*). Глубоко правъ былъ покойный И. Е. Забѣлинъ, когда глядя на современныя безвкусныя и безъидейныя сооруженія, меланхолически замѣтилъ мнѣ: „душа утеряна“... Обезличивается все—постройки, костюмы,

*) Въ старыхъ городахъ слѣдовало бы систематически дѣлать фотографическіе снимки улицъ, зданій—передъ разрушеніемъ старыхъ построекъ и послѣ возведеніе новыхъ.

нравы, идеи... но объ этомъ говорить было-бы долго, а пока нужно спасать то, что еще осталось отъ стильной, идейной старины.

Мысль о городскихъ музеяхъ зародилась у меня давно, и я началъ собирать матеріалы для исторіи по крайней мѣрѣ двухъ мнѣ, по разнымъ причинамъ, близкихъ городовъ—Кіева и Одессы. Если мой проектъ городскихъ музеевъ когда нибудь осуществится (составленный мною проектъ учрежденія въ Одессѣ центральнаго архива древнихъ актовъ и архивной при немъ комиссіи, которая могла-бы взять на себя инициативу созданія одесскаго городского музея, странствуетъ уже нѣсколько лѣтъ по канцеляріямъ разныхъ министерствъ), то я мои маленькія собранія конечно передамъ въ соотвѣтствующіе музеи; быть можетъ и другіе собиратели послѣдуютъ моему примѣру.

Я былъ-бы очень благодаренъ любителямъ родной старины, которымъ полюбится мое предложеніе, за обмѣнъ мыслями по данному вопросу (мой адресъ: Одесса —университетъ).

Музей города Кіева.

„Старый богатырь, древній Кіевъ, спитъ непробуднымъ сномъ подъ каменными громадами, сковывающими его могучіе, усталые отъ бурной жизни, члены. Лишь изрѣдка вздохнетъ онъ въ своемъ тяжеломъ снѣ, и съ его глубокимъ вздохомъ къ намъ, изъ его подземнаго ложа, порою вылетаютъ то его мечъ-кладенецъ, которымъ онъ столько вѣковъ отбивался отъ Идолища поганаго, то его завѣтная чара въ полтора ведра, свидѣтельница столькихъ пировъ и тризнъ, то клочокъ его царскаго убранства. Иногда въ своемъ тысячелѣтнемъ забытьи онъ пророкочетъ намъ своимъ глухимъ подземнымъ голосомъ отрывокъ повѣсти о своемъ славномъ прошломъ, но эту замогильную рѣчь пойметъ только его вѣрный другъ, старый археологъ, жаднымъ ухомъ припавшій къ родной землѣ...

Пора могучему богатырю проснуться и, отряхнувъ отъ вѣковой пыли свои могучіе члены, осушивъ до дна свою безмѣрную чару, повѣдать намъ, какъ онъ жилъ, кого любилъ и ненавидѣлъ, съ кѣмъ боролся—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отечески пожурить насъ за то, что мы столько вѣковъ его запамятовали“ *).

Ни въ одной культурной странѣ мы не замѣчаемъ такого не только равнодушнаго, но и прямо таки, подчасъ,

*) Изъ моего доклада на черниговскомъ археологическомъ съѣздѣ: „Раскопки въ Кіевѣ у Десятинной церкви“.

пренебрежительнаго отношенія къ памятникамъ родной старины, какъ у насъ. На нашихъ глазахъ памятники старины разрушаются, гибнутъ безслѣдно, и никому до нихъ нѣтъ дѣла. Если случайно какой-нибудь любитель старины забьетъ въ набатъ, увидавъ разорванную въ клочья, какимъ-то чудомъ много столѣтій самосохранившуюся страницу нашей древней лѣтописи, виновныхъ въ нарушеніи хотя-бы и простой „охраны" старины не находится. Лица и вѣдомства сваливаютъ вину другъ на друга, и разобраться въ этой путаницѣ взаимныхъ пререканій совершенно невозможно. И изъ нашихъ старыхъ, историческихъ городовъ ни одинъ не пострадалъ такъ отъ небреженія и невѣжества, какъ старѣйшій и славнѣйшій русскій городъ „откуду есть пошла Русская земля". Въ старомъ, шумномъ и вольнолюбивомъ, Новгородѣ—теперь сонномъ, какъ заросшій тиною прудъ,—стоятъ до сихъ поръ стѣны стараго Кремля, опоясанныя высокимъ валомъ, святая Софія и десятки церквей съ удивительнымъ, по нетлѣнности своихъ древнихъ фресокъ, Спасомъ на Нередицѣ. Въ Москвѣ уцѣлѣли стѣны Кремля и Китай-города, Успенскій соборъ, Василій Блаженный замѣчательная попытка архитектурной революціи противъ византійскаго шаблона.

Отъ земляныхъ валовъ, опоясывавшихъ кіевскій Кремль, остались къ нашему времени только небольшіе клочки въ усадьбѣ д-ра Петровскаго. Уцѣлѣвшіе до начала XIX ст. обломки стѣнъ Десятинной церкви были разрушены при возведеніи новаго, столь шаблоннаго по постройкѣ, храма на мѣстѣ храма стараго. Маленькая пирамидка на мѣстѣ древняго Ирининскаго храма, двѣ, связанныхъ желѣзными болтами, стѣнки на мѣстѣ старыхъ Золотыхъ Воротъ, Нерушимая Стѣна и хоры Софійскаго собора, Кирилловскія, Михайловскія и Спасо-Берестовскія фрески—вотъ почти все, что осталось отъ стараго Кіева „aemulae Constantinopolis".

Но если такъ бѣденъ старыми, уцѣлѣвшими памятниками надземный Кіевъ, то еще до нашего времени богатъ остатками старины Кіевъ подземный. Въ общественныхъ и частныхъ коллекціяхъ хранится масса цѣнныхъ остатковъ

временъ протекшихъ—княжескія бармы, діадемы, гривны, серьги, кольца, печати, оружіе, кресты, монеты и т. д. *).

Раскопки В. В. Хвойка доказали обитаемость Кіева въ эпоху мамонта. Его же изслѣдованія усадьбы д-ра Петровскаго указали центральное мѣсто кіевскаго Кремля съ остатками княжескихъ теремовъ, мастерскими ювелирныхъ издѣлій, подземными ходами подъ старый валъ и даже остатками сооруженій языческаго періода. И конечно, подземный Кіевъ не отдалъ намъ всего имъ накопленнаго вѣками добра—систематическія раскопки старыхъ пепелищъ выявятъ еще массу бытовыхъ обломковъ нашего многовѣковаго старца.

Не мало памятниковъ, разсѣянныхъ въ разныхъ общественныхъ и частныхъ коллекціяхъ, русскихъ и заграничныхъ, архивахъ и библіотекахъ, осталось отъ средняго періода кіевскаго прошлаго—карты, планы, виды Кіева разныхъ эпохъ, портреты старыхъ кіевлянъ, гравированные и писанные красками, рукописи и старо-печатныя книги кіевскаго происхожденія, старое оружіе, мѣстные костюмы, образцы мѣстнаго производства и т. д.

Собрать все, разсѣянное по лицу русской и нерусской земли, конечно, уже невозможно, но, несомнѣнно, что многое еще возможно объединить въ одномъ хранилищѣ, и такой—музей стараго историческаго центра, подобнаго которому по задачѣ еще нѣтъ на Руси—былъ бы высокопоучительной книгой, рисующей намъ со всѣхъ сторонъ исторію матери городовъ русскихъ.

При такомъ музеѣ необходима, конечно, и спеціальная библіотека, содержащая въ себѣ Kioviensia, т. е. все, писанное о Кіевѣ и его исторіи—описанія путешественниковъ, воспоминанія современниковъ, ученыя статьи о прошломъ города, собраніе мѣстныхъ газетъ и листковъ и т. д.

Въ Кіевѣ существуетъ, правда, музей древностей, но судьба его едва ли не плачевна. У насъ на Руси есть много

---

*) Укажемъ, напр., что богатое содержаніе недавно открытаго при раскопкахъ фундамента Десятинной церкви шифернаго саркофага еще въ 30-тыхъ годахъ какими-то судьбами попало къ мин. нар. просв. С. А. Уварову и находится теперь въ коллекціи гр. П. С. Уваровой.

странныхъ чиновъ—провинціальные и корабельные секретари (хотя у насъ нѣтъ провинцій, а секретари корабельные, если таковые еще гдѣ водятся, б. м. и не видали „живыхъ" кораблей), гражданскіе чины военнаго вѣдомства, особы четвертаго класса, имѣющія входъ за кавалергардами (въ общежитіи „закавалергардовъ"). Кіевскій музей древностей принадлежитъ къ такимъ чинамъ—онъ переименованъ въ музей художественно-промышленный, хотя изъ художествъ въ немъ находятся только препарованныя въ дубины мамонтовыя кости, а въ качествѣ предметовъ промышленности фигурируютъ кирпичи X—XII вѣковъ.

Какъ музей художественно-промышленный, кіевскій музей древностей находится въ вѣдѣніи министерства торговли и промышленности, едва ли даже вѣдающаго объ его существованіи, такъ какъ музей существуетъ какимъ-то чудомъ, не имѣя даже опредѣленныхъ штатовъ, хотя у насъ и имѣлись и, вѣроятно, имѣются и теперь штаты безъ учрежденій и лица, приписанныя къ штатамъ и сопряженному съ ними жалованью, десятками лѣтъ ожидающія основанія учрежденій, коимъ присвоены штаты.

Кіевское городское управленіе, въ свое время. отказалось принять въ вѣдѣніе города, за отсутствіемъ средствъ на его содержаніе и пополненіе, основанный и выстроенный на частныя средства музей древностей. Раскопки бывшаго кіевскаго Кремля, обратившія вниманіе всей образованной Руси снова на прошлое старѣйшаго изъ русскихъ городовъ, налагаютъ на кіевлянъ прямую обязанность сдѣлать все отъ нихъ зависящее для охраны и собиранія памятниковъ родной старины. И лучшей изъ всѣхъ мѣръ для этой цѣли будетъ основаніе „Музея города Кіева" по указанной выше программѣ.

Существующій музей древностей, имѣющій, благодаря частнымъ пожертвованіямъ (гг. Терещенко, Б. И. Ханенко, В. В. Хвойка—сдѣлавшаго такъ много для исторіи древняго Кіева, и др.) коллекціи, единственной по значенію научной цѣнности, преслѣдуетъ задачу несравненно болѣе широкую, чѣмъ будущій „Музей города Кіева"—это историческій и этнографическій (этнографическій отдѣлъ въ существующемъ

музеѣ обѣщаетъ стать очень цѣннымъ) музей для всего юго-западнаго края. „Музей города Кіева“ долженъ быть образованъ по типу городскихъ музеевъ старыхъ историческихъ городовъ Зап. Европы (Франкфуртъ, Вѣна, Парижъ), въ которыхъ точно также богатѣйшіе мѣстные городскіе музеи существуютъ отдѣльно отъ центральныхъ историческихъ музеевъ.

При музеѣ необходимо и учрежденіе общества изученія кіевскихъ древностей, ученымъ заботамъ котораго и должно быть предоставлены администрація и пополненіе новаго музея.

Съ такимъ мотивированнымъ предложеніемъ я обратился недавно въ кіевское городское управленіе, предлагая ознаменовать учрежденіемъ „Музея города Кіева“ высокоторжественные августовскіе дни нынѣшняго года.

Въ случаѣ принятія кіевской городской думой моего предложенія, предлагаю свою, небольшую для такого крупнаго дѣла, лепту въ размѣрѣ тысячи рублей на постройку музея; я увѣренъ, что и другіе старые кіевляне поддержатъ денежными и предметными вкладами столь важное для изученія прошлаго родного города предпріятіе.

Еще о музеѣ города Кіева.

(Отповѣдь г. Бѣляшевскому *).

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мною была помѣщена на страницахъ „Кіевской Мысли“ статья о музеѣ города Кіева. Въ моей статьѣ я предлагалъ учрежденіе, по образцу муниципальныхъ музеевъ въ старыхъ западно-европейскихъ городахъ, музея города Кіева, собраніе памятниковъ кіевской старины.

Лишь недавно (21 ноября, № 322 „Кіевской Мысли“) на мою статью отозвался г. Бѣляшевскій статьей: „Отдѣлъ „стараго Кіева“ въ городскомъ музеѣ“. Въ статьѣ г. Бѣляшевскаго звучитъ двойная обида—за музей, и за себя. Г. Бѣляшевскій приписываетъ себѣ и пріоритетъ**) идеи муниципальнаго музея и съ нѣкоторою гордостью заявляетъ, что эта хорошая идея имъ уже осуществлена, а я „давая характеристику музея, правда, не вполнѣ уразумѣлую (?)“, проглядѣлъ, какъ крыловскій посѣтитель кунсткамеры, въ музеѣ слона, т. е. цѣлый отдѣлъ стараго Кіева. Г. Б. въ своей статьѣ перечисляетъ даже *нѣкоторые* предметы, собранные въ отдѣлѣ, оставляя читателя въ пріятномъ предположеніи, что объ остальныхъ „за множествомъ“ онъ не упомянулъ. Смѣю увѣрить г. Б., что отдѣлъ стараго Кіева въ музеѣ мнѣ хорошо извѣстенъ. Если я не упомянулъ о немъ, то лишь изъ чувства деликатности—on ne parle pas de la corde...

*) Отповѣдь нѣсколько запоздала, такъ какъ статью г. Бѣляшевскаго мнѣ доставили лишь на дняхъ.

**) Очень радъ за г. Бѣляшевскаго—les beaux esprits se rencontrent.

И, хотя я, по увѣренію г. Б., не замѣтилъ слона въ музеѣ, я, однако, замѣтилъ въ немъ даже знаменитаго „лева“ съ подольскаго фонтана, третьяго члена тріады скульптурныхъ произведеній древняго Кіева въ „отдѣлѣ“ [3]).

„Отдѣлъ“ помѣщается во второмъ перронѣ музея. Онъ содержитъ нѣсколько скульптурныхъ произведеній (между прочимъ, современный надгробный памятникъ аллегорическаго характера), да 2—3 витрины. Въ послѣднихъ, вмѣстѣ съ висящими на стѣнахъ гравюрами и литографіями, нѣсколько десятковъ видовъ Кіева. Если принять во вниманіе, что музею скоро исполнится гражданское совершеннолѣтіе, число пріобрѣтеній отдѣла достигнетъ почтенной цифры— 2 3 предметовъ въ годъ. Къ свѣдѣнію г. Б. замѣчу, что въ моей крошечной коллекціи за 2 года собрано почти столько же видовъ стараго Кіева, сколько музей успѣлъ собрать за два десятка лѣтъ.

По увѣренію г. Б., только скудость средствъ мѣшаетъ „отдѣлу“ пышно разцвѣсти. Полагаю, что это не совсѣмъ такъ. Въ Кіевѣ существуетъ замѣчательный церковно-археологическій музей въ духовной академіи; въ немъ собрано уже нѣсколько *десятковъ тысячъ* церковно-археологическихъ предметовъ. И этотъ крупный и важный музей не имѣетъ ни штатныхъ суммъ, ни штата служащихъ. Взамѣнъ этого онъ имѣетъ завѣдующимъ Николая Ивановича Петрова, ученаго съ крупной научной репутаціей, большими связями въ мірѣ ученомъ и въ средѣ духовенства, профессора столь славной въ исторіи нашего просвѣщенія Кіевской Духовной Академіи. И помимо научнаго авторитета, въ силу коего не только студенты и начинающіе ученые, но и маститые ученые труженники постоянно ищутъ его ученаго совѣта, онъ обладаетъ еще однимъ цѣннымъ и рѣдкимъ даромъ—горячей любовью къ своему дѣтищу. Вотъ, въ силу какихъ причинъ, бѣдный, какъ Іовъ, матеріальными средствами музей въ нѣсколько десятковъ лѣтъ сталъ однимъ изъ цѣннѣйшихъ нашихъ древнехранилищъ.

[3]) „Лева“ г. Б. забылъ въ своемъ перечнѣ, а мнѣ этотъ левъ очень дорогъ по воспоминаніямъ дѣтства.

Укажу и на другія коллекціи, собранныя людьми, обладавшими въ несравненно большей степени энергіей и любовью къ дѣлу, чѣмъ средствами матеріальными.

Недавно въ Петербургѣ скончался одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ педагоговъ, человѣкъ рѣдкой, кристально-чистой души, всю жизнь свою отдавшій дѣтямъ (чужимъ—своихъ онъ не имѣлъ), преподаватель Черкуновъ. Преподавалъ онъ едва-ли не самый загнанный въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ предметъ—географію, и только географію (географію въ гимназіяхъ преподаютъ обыкновенно историки, въ университетѣ географіи, каѳедра которой отнесена къ физико-математическому факультету, не слушавшіе, а потому о географической картѣ имѣющіе, въ лучшемъ случаѣ, только до—герберштейновское представленіе [1]). Н. Д. любилъ свой предметъ и зналъ его, какъ мало кто на Руси. Наглядныхъ пособій для преподаванія географіи въ гимназіяхъ (кромѣ 2—3 картъ, да глобуса) не существуетъ. И вотъ Н. Д. задался цѣлью создать географическій музей, и одинъ, на свои, болѣе чѣмъ скромныя, средства преподавателя гимназіи, собираетъ музей въ нѣсколько тысячъ предметовъ.

Въ Варшавѣ скромный профессоръ - славистъ Іезбера одинъ, своими силамй и маленькими средствами, собираетъ этнографическій славянскій музей, насчитывавшій нѣсколько десятковъ тысячъ предметовъ.

Въ остаткахъ бахчисарайскаго дворца нѣкогда задумали устроить музей татарскихъ древностей. Собираніе музея поручили полиціймейстеру дворца (есть такая должность—но

[1]) На вопросъ одному экзаменующемуся студенту, гдѣ находится городъ Львовъ, экзаменаторъ, извѣстный своею снисходительностью, проф. В. Б. Антоновичъ, получилъ отвѣтъ „въ Турціи“. Даже В. Б., всегда сдержанный и безконечно мягкій, не выдержалъ: „извините меня, но вы очень не развиты“—замѣтилъ онъ студенту и едва-ли не единственный разъ въ жизни поставилъ экзаменующему двойку. Впрочемъ, географическія познанія у насъ такъ мало развиты, что одинъ изъ видныхъ кіевскихъ администраторовъ, опровергая alibi подсудимаго, въ оффиціальной бумагѣ, ничтоже сумняшеся, заявляетъ: подсудимый утверждаетъ, что въ данное время онъ находился во Львовѣ, между тѣмъ свидѣтельскими показаніями установлено, что онъ въ это время находился въ Лембергѣ.

какихъ только должностей нѣтъ на Руси! Въ Александровскомъ лицеѣ до послѣдняго времени существовала должность *тараканщика*, обязаннаго изводить лицейскихъ таракановъ—въ нынѣшнемъ году, одновременно съ столѣтіемъ лицея, оканчивается и первое столѣтіе войны съ тараканами). Пріѣзжаю какъ-то въ Бахчисарай, осматриваю дворецъ; въ одной изъ его комнатъ съ полупровалившимся потолкомъ нахожу двѣ крошечныя запыленныя витринки, а въ нихъ десятка полтора малоцѣнныхъ татарскихъ предметовъ (пуговицы, пряжки). Вотъ и весь музей, собранный археологами-полиціймейстерами. Сообщаю о своихъ наблюденіяхъ моему пріятелю, лучшему знатоку Крыма, А. Л. Бертье-Делагарду. „Знаю; видалъ этотъ soi disant музей и не разъ корилъ имъ полиціймейстера. Оправдывается тѣмъ, что въ Крыму вовсе нѣтъ остатковъ татарской старины, а между тѣмъ ея можно по татарскимъ деревнямъ набрать массу“. „Отчего бы вамъ не попытаться собрать коллекцію татарскихъ древностей“? (А. Л. обладаетъ единственной въ своемъ родѣ библіотекой, въ которой собрано чуть-ли не все, писанное о Крымѣ, замѣчательной коллекціей старыхъ видовъ, плановъ, картъ Крыма; помимо того, онъ много лѣтъ собираетъ предметы древне-греческой культуры въ Крыму, которыми онъ ежегодно обогащаетъ „музей одесскаго общества исторіи и древностей“). А. Л. ухватился за эту мысль. Принадлежа къ типу тѣхъ людей, которые не любятъ откладывать дѣла въ долгій ящикъ, и которые каждому предпринятому дѣлу отдаются цѣликомъ, А. Л. вскорѣ предпринялъ археологическую экскурсію въ глухіе татарскіе уголки Крыма и въ короткое время собралъ массу любопытныхъ остатковъ татарской старины (костюмы, оружіе, утварь, украшенія и т. д.). Въ теченіе немногихъ лѣтъ ему удалось уже собрать замѣчательную коллекцію (въ ней есть не мало предметовъ датированныхъ) татарскихъ древностей.

Изъ приведенныхъ примѣровъ ясно, что и теперь еще съ очень скромными средствами (кіевскій церковно-археологическій музей составился исключительно изъ доброхотныхъ пожертвованій) можно создавать очень цѣнныя собранія. Невольно вспоминаешь знаменитыя слова стараго нашего мо-

наха: „многіе монастыри основаны боярами и князьями, въ нихъ вложены большія средства, но они не сравнились славой съ обителями, основанными подвижниками, молитвой и слезами"...

Въ одну изъ нашихъ общественныхъ библіотекъ частное лицо, страдающее маніей саморекламы, пожертвовало простыя деревянныя полки размѣромъ не болѣе 3×2 арш., 10-15 книгъ, и надъ полками вывѣсило громкую надпись „Отдѣлъ Н. N'a". Не напоминаетъ-ли этотъ случай „Отдѣлъ стараго Кіева" въ музеѣ"? По мнѣнію г. Бѣляшевскаго, достаточно вывѣсить плакатъ „Музей стараго Кіева", и памятники прошлаго матери русскихъ городовъ сами собою притекутъ, акы овцы на водопой, въ древнехранилище. Но г. Б. слѣдуетъ вспомнить, что вѣра безъ дѣлъ мертва есть. Г. Б., можетъ быть, и справедливо сѣтуетъ на равнодушіе кіевлянъ къ дѣламъ общественнымъ—еще легендарный Чоботько горько отозвался о кіевской „громадѣ", — но съ общественнымъ равнодушіемъ надо бороться вѣрой, *дѣятельной* вѣрой.

Статья г. Б. только подтвердила мою характеристику кіевскаго музея *): „не вполнѣ уразумѣлой" она остается только для него.

Въ заключеніе укажу на нѣкоторую неосвѣдомленность г. Бѣляшевскаго въ общемузейномъ дѣлѣ. Мысль моя объ устройствѣ муниципальныхъ музеевъ въ старыхъ городскихъ центрахъ начинаетъ осуществляться. Городъ Тифлисъ рѣшилъ учредить такой музей, а недавно поднята мысль объ учрежденіи такого музея въ Москвѣ. Неистощимая энергія лица, становящагося во главѣ этого предпріятія, ручается за блестящій успѣхъ дѣла полезнаго и назрѣвшаго **).

---

*) Почему музей „городской"? Только потому, что онъ въ городѣ?

**) Московскія газеты сообщаютъ, что при московскомъ археологическомъ обществѣ образовалась недавно комиссія по изученію старой Москвы, поставившая своей цѣлью изученіе роста развитія Москвы въ отношеніи зодчества, иконописи, прикладныхъ искусствъ, собираніе матеріаловъ по ея топографіи, исторіи, а также охраненіе и коллекціонированіе древностей первопрестольной столицы, имѣющихъ историческое значеніе. Главной задачей комиссіи является устройство

„Музея старой Москвы“, въ которомъ будутъ сгруппированны, главнымъ образомъ, предметы домашняго и общественнаго обихода жизни старой Москвы, которые могли бы наглядно знакомить съ бытомъ ея въ давно минувшіе годы. Программа дѣятельности комиссіи по созданію музея уже выработана. Во-первыхъ, комиссія займется сборомъ пожертвованій различныхъ вещей для музея, изученіемъ и наблюденіемъ за сохранностью памятниковъ старины, находящихся въ Москвѣ. Для этого Москва раздѣлена на 63 участка, каждымъ изъ которыхъ будетъ завѣдывать одинъ изъ членовъ комиссіи. При музеѣ будетъ составлена и библіотека, въ которой будутъ сосредоточены книги по исторіи Москвы, выходившія отдѣльными изданіями, отдѣльные очерки, помѣщенные въ журналахъ, газетахъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ. Изъ архивовъ будутъ извлечены и переданы въ музей если не оригиналы, то, по крайней мѣрѣ, копіи наиболѣе любопытныхъ документовъ, такъ или иначе отражающихъ въ себѣ исторію Москвы; документы и изслѣдованія будутъ помѣщаться въ печатномъ органѣ комиссіи,—„Старая Москва“, который будетъ издаваться на средства, пожертвованныя спеціально для этой цѣли однимъ изъ членовъ комиссіи Г. В. Валицкимъ.

На-дняхъ происходили выборы должностныхъ лицъ комиссіи; предсѣдателемъ ея избрана гр. П. С. Уварова, товарищемъ — гр. К. А. Хребтовичъ-Бутеневъ, секретаремъ—И. С. Бѣляевъ. Правила комиссіи и программа ея дѣятеляности утверждены соотвѣтствующей властью.

Музей „Стараго Петербурга“ находится пока въ частномъ помѣщеніи. Въ настоящее время поднимаются хлопоты о постройкѣ для него спеціальнаго зданія.

Къ исторіи древне-кіевскаго кремля.

Нѣкоторые изъ депутатовъ Государственной Думы, какъ сообщаютъ газеты, намѣреваются поднять вопросъ о пріобрѣтеніи въ Государственную собственность усадьбы доктора Петровскаго въ Кіевѣ, на которой извѣстный кіевскій археологъ В. В. Хвойко открылъ остатки древне-кіевскаго Кремля.

Въ цѣломъ рядѣ докладовъ — московскому археологическому обществу, Черниговскому археологическоиу съѣзду, Императорской археологической коммиссіи и Императорскому военно-историческому обществу — мнѣ, въ свое время, приходилось излагать результаты замѣчательныхъ раскопокъ В. В. Хвойки. Послѣ моихъ докладовъ московское археологическое общество и Черниговскій археологическій съѣздъ постановили ходатайствовать о пріобрѣтеніи на государственный счетъ территоріи древне-кіевскаго кремля. Составленъ былъ и проектъ продолженія раскопокъ В. В. Хвойки (которыя онъ производилъ на собственныя средства). Проектъ этотъ (съ значительными, правда, измѣненіями) былъ отчасти осуществленъ Императорскою археологическою коммиссіею, уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изслѣдующей усадьбу Десятинной церкви и отчасти противолежащую усадьбу кн. Трубецкого (знаменитый кіевскій археологъ проф. В. Б. Антоновичъ предполагалъ найти остатки древне-княжескихъ теремовъ именно на мѣстѣ усадьбы кн. Трубецкого; однако предположенія эти не оправдались—лѣтъ двадцать тому назадъ часть усадьбы кн. Трубецкого была продана кому-то подъ постройку дома; зная мнѣніе проф. Антоновича объ археологической

цѣнности данной усадьбы, продавецъ и покупатель вошли въ особое соглашеніе относительно распредѣленія предполагаемыхъ находокъ на отчужденномъ владѣльцемъ мѣстѣ—на время производства земляныхъ работъ въ усадьбѣ обѣ стороны поставили по надсмотрщику надъ хозяйственными раскопками; выборъ контролеровъ былъ однако едва-ли удачнымъ: съ одной стороны присматривалъ рьяный коллекціонеръ-любитель, археологическій фантазеръ, съ другой — продавецъ древностей. Результаты контроля мнѣ неизвѣстны, но въ коллекціяхъ частныхъ лицъ, между прочимъ, покойнаго теперь собирателя Леопардова, коллекція котораго, послѣ его смерти, поступила въ кіевскій церкозно-археологическій музей, находятся цѣнные предметы, найденные въ усадьбѣ кн. Трубецкого. Покойный Леопардовъ сознавался мнѣ, что пріобрѣлъ ихъ у рабочихъ землекоповъ, работавшихъ въ усадьбѣ кн. Трубецкого Изслѣдованія Императорской Археологической Коммиссіи, насколько мнѣ извѣстно, пока не открыли ничего особенно цѣннаго въ усадьбѣ кн. Трубецкого, кромѣ слѣдовъ древнихъ погребеній и остатковъ деревянныхъ сооруженій очень поздняго времени—быть можетъ просто служебныхъ сараевъ при постройкѣ Андреевской церкви).

Императорской археологической коммиссіей открыты пока фундаменты Десятиннаго храма Св. Владиміра и нѣкоторое количество предметовъ, большей или меньшей археологической цѣнности. Наиболѣе интересной находкой слѣдуетъ признать красно-шиферный саркофагъ съ полуистлѣвшимъ женскимъ костякомъ (археологи съ воображеніемъ заподозрѣли въ этихъ остаткахъ прахъ великой княжни Ольги) и кусками полуистлѣвшей матеріи. Замѣчу, что саркофагъ этотъ (типа извѣстной гробницы Ярослава въ Кіево-Софійскомъ соборѣ) уже однажды былъ обнаруженъ—въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка при постройкѣ современнаго Десятиннаго храма на мѣстѣ стараго храма св. Владиміра (какъ извѣстно, наружные остатки старой церкви, еще до нѣкоторой степени сохранившіеся, были тогда снесены строителями новаго храма). Въ саркофагѣ найдены были тогда очень цѣнные предметы (бармы, золотой эмальированный

крестъ), по описанію Закревскаго хранившіеся въ Десятинной церкви; теперь ихъ тамъ нѣтъ; къ счастью, предметы эти не пропали, а находятся въ одной частной коллекціи, куда попали какими-то неисповѣдимыми путями. Впрочемъ, почтенное имя нынѣшняго ихъ владѣльца служитъ ручательствомъ достодолжнаго къ нимъ уваженія.

Открытый въ тридцатыхъ годахъ саркофагъ почему-то былъ замурованъ и вновь открытъ только три года назадъ. Мнѣ пришлось вмѣстѣ съ предсѣдателемъ Императорской археологической коммиссіи графомъ А. А. Бобринскимъ присутствовать при открытіи саркофага. Замурованъ онъ былъ настолько прочно, что выемка грозила опасностью его цѣлости, Я предлагалъ тогда оставить саркофагъ на мѣстѣ, оградивъ его деревяннымъ щитомъ. Къ тому-же склонялся и графъ Бобринскій. Однако мѣстное духовенство настояло на перенесеніи гробницы въ церковь, причемъ нѣкоторыя изъ хрупкихъ шиферныхъ досокъ саркофага лопнули.

Усадьба доктора Петровскаго весьма обширна — она занимаетъ десятины двѣ. На моей еще памяти она принадлежала сначала извѣстному святошѣ А. Н. Муравьеву (въ дѣтствѣ я нерѣдко посѣщалъ садъ Муравьева, славившійся превосходными фруктами и безподобнымъ видомъ); отъ него она перешла къ помѣщику Чернышу, отъ котораго ее и пріобрѣлъ (кажется, тысячъ за восемьдесятъ) нынѣшній ея владѣлецъ. Въ усадьбѣ есть постройки - двухэтажный домъ по Андреевскому спуску и домикъ въ саду и у обрыва. Часть усадьбы, примыкающая къ двору Десятинной церкви, продана давно г. Петровскимъ другому владѣльцу, и на ней теперь выстроено нѣсколько одноэтажныхъ домиковъ.

По многимъ причинамъ В. В. Хвойкѣ удалось обслѣдовать только часть усадьбы доктора Петровскаго. Раскопки при этомъ производились при условіяхъ крайне неблагопріятныхъ. Владѣлецъ далъ согласіе на археологическое изслѣдованіе сада при условіи соблюсти цѣлость деревьевъ; приходилось, такимъ образомъ, производить раскопки разными зигзагами, почему часть открытыхъ сооруженій осталась подъ землей, часть заходитъ подъ современныя постройки и до снесенія ихъ обнаружена быть не можетъ.

До сихъ поръ (съ 1908 г. раскопки въ усадьбѣ доктора Петровскаго болѣе не производятся) В. В. Хвойской открыты: остатки древне-княжескаго терема, повидимому разрушеннаго Татарами, стѣнка другого терема, заходящаго подъ одну изъ построекъ въ отчужденной г. Петровскимъ части усадьбы, подземная деревянная галлерея, идущая къ спуску подъ валъ, окружавшій со стороны обрыва Кремль (часть вала еще уцѣлѣла), остатки мастерскихъ ювелирныхъ издѣлій (найдены формы для отливки металлическихъ крестовъ, мастерская эмалевыхъ издѣлій съ ея оригинальнымъ utensilia и кусками разноцвѣтной эмали) и цѣлое, весьма оригинальное сооруженіе, повидимому языческой эпохи—овальной съ выступомъ формы, изъ крупныхъ грубыхъ камней; остатки фресокъ, эмалированныхъ плитокъ, замѣчательный металлическій запрестольный крестъ, формы Корсунской и проч.

Найденные отдѣльные предметы въ настоящее время находятся въ Кіевскомъ историческомъ музеѣ, куда они попали благодаря Б. И. Ханенку, извѣстному коллекціонеру и одному изъ главныхъ дѣятелей по созданію кіевскаго музея. Всѣ-же открытые остатки древнихъ сооруженій теперь снова засыпаны землею.

Несомнѣнно, что въ виду научной цѣнности усадьбы доктора Петровскаго, пріобрѣтеніе ея въ государственную собственность является безусловно необходимымъ. Но нельзя ограничиться пріобрѣтеніемъ одной только этой усадьбы — отчужденію должна подлежать вся площадь вдоль обрывовъ съ трехъ сторонъ окружающихъ усадьбу, съ включеніемъ всѣхъ раньше отчужденныхъ ея кусковъ до границъ Десятиннаго проулка. Только тогда возможно будетъ приступить къ полному обслѣдованію древняго Кремля стараго Кіева. Окончанія изслѣдованія конечно должно быть поручено тому же В. В. Хвойкѣ, сдѣлавшему такъ безмѣрно много для археологіи старой кіевской земли вообще и особенно стараго Кіева, колыбели русской гражданственности.